

А.Н. Чубинский (Москва)

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ, УТРАЧЕННЫЕ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТОЙ В XVII–XIX ВЕКАХ. УТРАТЫ МНИМЫЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ

СОБРАНИЕ ОРУЖИЯ московской Оружейной палаты представляет интерес не только благодаря предметам, которые в настоящий момент выставлены в экспозиции или хранятся в фондах музея. Чрезвычайно интересно также оружие, которое по той или иной причине покинуло стены Кремля и о котором мы можем судить по документам XVII–XIX вв. Много таких предметов было целенаправленно передано в другие музеи в XIX–XX вв. (в ГИМ, в Артиллерийский музей, в Тулу, в ряд региональных музеев). Эти последние предметы, даже утратив связь с «родительским» собранием, продолжают оставаться в составе российского музейного фонда и принципиально доступны для исследователей.

В нашей работе речь пойдет о других предметах вооружения, которые проходят по старым описям Оружейной палаты, но местоположение которых до последнего времени было неизвестно. Это исследование было задумано достаточно давно и представлялось в виде перечня уникальных предметов средневекового вооружения, утраченных Оружейной палатой ко второй трети XIX в. Однако за прошедшее время многое изменилось. Выяснилось, что некоторые образцы оружия, которые числились в описях царской оружейной казны в XVII в., а позднее считались утраченными, на самом деле никогда не покидали кремлевское собрание. Так, например, долгое время интриговавшие оружейников *тюфяки*, описанные в Переписной книге Оружейной палаты 1687 г. как «пара тюфяков коротких винтованных Тимофеева дела Лученинова... замки аглинские... станки яблоневые почернены»¹, считались утерянными к 1886 г.² Но в недавнем ис-

следовании автора³ было показано, что под наименованием тюфяков в 1687 г. числилась пара пистолетов, которые благополучно хранятся в музее до сих пор и в течение многих лет украшают экспозицию Оружейной палаты⁴. Утраченными оказались не сами памятники русского средневекового оружия, а их историческое название, которое давало возможность идентифицировать их в документах XVII в. Здесь мы можем говорить об особом виде утраты исторического памятника: продолжая существовать физически, он теряет свое исходное наименование, утрачивает связь с письменными источниками и таким образом обезличивается.

Именно так обстоит дело с доспехом, который в документах XVII в. носил название *шестерня*: «Шесть шестерней, у них по три мишени медные посеребренны»⁵. В современном собрании доспехи с этим названием не числятся, вопрос о бытовании и специфике такого доспеха в отечественном оружьеведении, насколько нам известно, не поднимался вообще.

На первый взгляд, название *шестерня* или *шестерня кольчужная* предполагает, что это вооружение значительно отличалось от других видов кольчатого доспеха и к кольчуге имеет лишь косвенное отношение (ср. наименования *панцирь коробчатый* или *панцирь узловатый*, которые заставляют думать, что эти доспехи в первую очередь являлись панцирями). Но размещение шестерней в описи царской оружейной казны 1687 г. в одной главе с другими кольчатыми доспехами «Байданы и кольчуги, и шестерни кольчужные» перед главой, в которой числились панцири, позволяет считать, что шестерня является все-таки кольчатым доспехом, близким к кольчуге, но отличным от панциря. Понять, какая именно особенность этого доспеха была выражена словом *шестерня*, позволил анализ способов плетения колец у кольчатого доспеха. В подавляющем большинстве случаев у кольчуг, панцирей, а также у единственной сохранившейся байданы каждое кольцо переплетено с четырьмя соседними. Но, по крайней мере, у двух кольчуг из собрания Оружейной палаты⁶ (рис. 1) имеется более плотное плетение, при котором каждое кольцо захватывает шесть близлежащих колец (рис. 2). Наверняка именно эта особенность плетения привела к появлению рассматриваемого наименования: *шестерня* означает кольчугу, у которой каждое кольцо зацеплено за шесть смежных ко-

Рис. 1. Кольчуга (шестерня кольчужная) на манекене. Изображение из статьи Н.В. Гордеева «Русский оборонительный доспех», 1954 г.

Рис. 2. Плетение колец в кольчужной шестерне

лец. Хранитель Оружейной палаты Н.В. Гордеев назвал такую конструкцию «двойное плетение» и попутно отмечал, что кольца обеих упомянутых кольчуг заклепаны на два гвоздя⁷. Скорее всего, эти кольчуги благодаря большей «вязкости» и более прочному креплению отдельных колец были весьма эффективным кольчатым доспехом. При этом «шестерни панцирные», скорее всего, не существовали: небольшое в сравне-

нии с кольчужой панцирное кольцо вряд ли позволяло продеть сквозь него сразу шесть смежных колец.

Иную в сравнении с шестернями ситуацию мы имеем с двумя кольчатыми доспехами, которые в той же описи 1687 г. описаны как «Панцырь по ерлыку написан великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси. На грудях с обе стороны под десяти колец с подписью... Пансырь по ерлыку написан Бориса Федоровича»⁸. Без сомнения, эти записи указывают на принадлежность панцирей царям Ивану IV (Грозному) и Борису Годунову. В современном собрании такие панцири

не значатся. Однако велика вероятность того, что в позднейшее время подвешенные к панцирям кусочки бумаги с отмеченной принадлежностью, «ярлыки», были утрачены, в результате чего панцири были обезличены и смешались с массой других кольчатых доспехов. Таким образом, вполне возможно, что в музее до сих пор хранятся два панциря русских царей, однако, они не могут быть выделены из числа прочих кольчатых доспехов.

Еще один предмет вооружения, принадлежавший Ивану Грозному и вошедший в перечневую роспись оружейной казны 1647 г., утрачен наверняка. Он был описан как «полукибирье большое, зделано на два острея, по обе стороны наведено золотом травы, по краем по обе стороны наведено золотом ж титла государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии»⁹. *Полукибирье* описано в одной главе со *стрельными железцами*, то есть наконечниками стрел. Его описание показывает, что это был достаточно крупный двушипный уплощенный наконечник. Насколько нам известно, сходные русские наконечники сохранились лишь в качестве археологического материала, а русские стрелы с надписями неизвестны вовсе. В Переписной книге 1687 г. этого наконечника уже нет. Это позволяет считать *полукибирье* Ивана Грозного безнадежно утраченным. Невозможно предположить, что этот уникальный образец русского парадного вооружения будет когда-либо обнаружен в музейном или частном собрании.

Из большого числа стрел со сложной и разнообразной номенклатурой, хранившихся в Оружейной палате в XVII в., сохранились стрелы только одного типа с ромбическими черешковыми наконечниками, но и они не идентифицированы в ранних описях Оружейной палаты вплоть до 1687 г. Наименования стрел в этих документах – северги, срезни, томары, свищи – до сих пор точно не сопоставлены с известными нам формами наконечников. Так, например, если для стрел, названных в 1687 г. свищами, В.И. Поветкиным был найден достаточно достоверный археологический материальный эквивалент¹⁰, то *стрелы* срезни не могут считаться корректно определенными в современном оружейведении. В свое время известный русский археограф П.И. Савваитов высказал предположение: «...есть... род стрел, которых концы имеют вид заостренных лопаток, не это ли наши срезни?»¹¹. Хранитель Эрмитажа Э.Э. Ленц уже пользовался термином *срез-*

ни при описании конкретных исторических образцов стрел¹². А современные оружейеды, к сожалению, используют термин *срезни* как общепринятый, не пытаясь обосновать названия типов предметов в своих типологических построениях ссылками на письменные источники¹³. Документы, однако, не позволяют определить *срезни* как стрелы с металлическими наконечниками специфической формы. В Переписной книге 1687 г. сказано: «Три гнезда срезней яблонových; перьё белохвостовое, уши и на-косточки рыбей зуб; под перьем изрешечено серебром золоченым плащеным, перевивка золото прядено»¹⁴. Таким образом, единственные в царской казне срезни имели наконечники (*на-косточки*) из моржовой кости (*рыбей зуб*). Для сравнения можно привести описание другого типа стрел из той же описи – *томариков*: «Два гнезда томариков чипрасовых, одно гнездо мелко; ушки и на-косточки серебряные золочены резные; перьё белохвостовое...»¹⁵. Похоже, что и существующее определение *томаров* как стрел с исключительно костяными наконечниками нуждается в пересмотре. Взглянуть на «типологию» стрел с другой стороны позволяет упоминание *срезней* в числе имущества, конфискованного у князей Голицыных в 1689 г.: «Тринатцать стрел яблонových, в том числе четыре стрелы кленовых худых, у яблонových уши и срезни костяные»¹⁶. В этом фрагменте *срезнями* названы не сами стрелы, а лишь их наконечники, но также костяные.

Выявленную расплывчатость в названиях и определениях боевых и охотничьих стрел XVII в. мы можем компенсировать весьма приятной находкой, а именно идентификацией в собрании музея церемониальных стрел, которые в Переписной книге 1687 г. замыкают главу «Стрелы...» и описаны в одной статье с прапорами: «Четыре прапора писаны золотом по белому железу, что бывают на теремах и на крыльцы на шетрах... пять стрел железных больших (выделено мною. – А. Ч.) по два аршина по пяти вершков, что ставятца на круглых башнях»¹⁷. В кратком содержании той же описи об этих стрелах написано более определенно, что они «бывают под прапарам на хоромех и на круглых башнях»¹⁸. Эти данные позволяют предположить, что в документе упомянуты прапоры, являвшиеся личными штандартами московского царя, а железные стрелы служили их древками. В настоящий момент сохранилось четыре из пяти стрел (рис. 3), они

**Рис. 3. Стрелы.
Россия, Оружейная
палата (?), XVII в.
Экспозиция
Оружейной палаты**

выставлены в экспозиции Оружейной палаты¹⁹ и могут быть уверенно сопоставлены с описанными в 1687 г., в том числе благодаря достаточно хорошему совпадению их фактической длины (155–160 см) с приведенной в документе (примерно 164 см). В экспозиции музея эти стрелы датированы XII–XIII вв. и называются стрелами для метательных машин. С нашей точки зрения, стрелы нужно датировать XVII, самое раннее XVI в. и рассматривать их не в качестве расходного материала крепостной артиллерии, а как предмет церемониального и знакового оружия.

Следующий памятник, утраченный в XIX в., – ружье-бердыш. В описи Оружейной палаты 1808 г. ему посвящен такой текст: «Бердыш железной, у коего на обухе приделан железной рог, подобно как у некоторых топоров, вместо древка ружейной ствол, обтянутый вылакированной и расписанною кожею. С стальным замком и железным шомпулом»²⁰. Это комбинированное оружие не числится в позднейших музейных описях и в настоящий момент в музее отсутствует. С нашей точки зрения, именно этот бердыш был изображен на хранящемся в музее акварельном рисунке первой половины XIX в., причем в натуральный размер²¹. Уникальным этот образец делает двусторонняя надпись на лопасти топора: «Бердыш // Феодора //

Ивановича // Стремоухова // Десниц[а] Г[оспо]дня, сотв[о]ри силу. Десница Г[оспо]дня, возн[е]се мя. // В шуицы ея богатство и слава». Последние строки взяты из Псалма 117, молитвы об оборонении врагов, и Книги Притч²². Судя по изображению, на оружии установлен кремневый замок французского типа. Помимо золоченой надписи лопасть топора с вырезным тупьем украшена гравированным растительным орнаментом. Скорее все-

го, бердыш поступил в Оружейную палату в числе другого имущества, конфискованного у князя В.В. Голицына и его сына в 1689 г.: «Бердыш железной огненной с крюком, а в приемных книгах написан топорком, покрыт кожей красною»²³. Заметим, что остаются сомнения в тождественности бердыша, описанного в 1808 г., и изображенного на акварели (в описании не упомянута надпись, на изображении нет «крюка», который, впрочем, мог быть утрачен). Возможно, сомнения разрешатся, когда будет установлена личность владельца этого оружия Ф.И. Стремоухова. Обстоятельства и время изготовления этого бердыша-ружья – тема для отдельного исследования²⁴.

Еще один образец древкового (ударного) оружия, отсутствующий в музее, по меньшей мере, со второй трети XIX столетия, – топор, форма которого может быть реконструирована по описанию 1808 г.: «Топор небольшой стальной, имеющий вид погнутого вниз клина к острию расширяющегося, на стальном же топорнице; вдоль плоских сторон топора по ушку и на верхней части обуха, имеющего вид четырехстороннего молотка, насечено золотом и сверх того между каем по двоеглавому орлу с распростертыми когтями; сталь изрыта... наподобие дамаска; круглой черен с осмигранной рукоятью... внутри пуст, в пустоте перекатывающийся металлический жеребеёк производит звук»²⁵. В описи 1687 г. он представлен более кратко: «Топорок железной наведен золотом, с обе стороны по орлу двоеглавму; топорнице железное, а в нем гремит желесцо, топорнице места посеребрено и золочено по резным травам; сверху и на конце по яблочку прорезные»²⁶. Сочетание изображения двуглавого орла и дамасской стали показывает, что топор мог быть изготовлен только в Оружейной палате. В плане декора мы имеем несомненно выдающееся произведение оружейного искусства, в украшении использована насечка золотом, включающая фигуративные изображения, орнаментальная резьба (или гравировка – «резные травы»), резьба на проем («яблочки прорезные»), золочение и серебрение – судя по всему, в декоративном отношении он не уступал посольским топорам. Сочетание примененных техник заставляет предполагать, что над топором работал первоклассный царский оружейник. В одном из документов Оружейной палаты 1647 г. упоминается «топор красного железа Микитина дела Давыдова»²⁷. Но, конечно, оснований для сближения этой работы

легендарного русского оружейника с описанным выше топором недостаточно.

Отметим такую загадочную деталь топора, как гремящий металлический шарик в полой топорище («желеско» или «жеребеёк»), которая имеет аналоги на восточных и русских клинках XVI–XVII вв. (так называемых «клинках с жемчужинами»), русских копьях, а также иранских булавах XVII в. Однако в отличие от других видов холодного «говорящего» оружия, описанный топор – единственный, другие топоры со вставленным в них звучащим элементом неизвестны²⁸.

В Росписи походной казны, которая была взята царем Алексеем Михайловичем в Смоленский поход, в числе клинкового оружия числилось два предмета с наименованием *картеляш*: «Картеляш немецкой стальной, черен железной, посеребрян и позолочен... в ножнах два ножа да вилки (вилки зачеркнуто, другими чернилами вписано *иголка*. – А. Ч.)... картеляж московское дело, черен костяной рыбей зуб»²⁹. Положение предметов в описи позволяет лишь понять, что это было скорее длинноклинковое оружие: *картеляши* были описаны после единственного в описи палаша, причем все три предмета были включены в большую группу сабель. *Картеляши* больше не упоминаются ни в ранних описях царского оружия, ни в Переписной книге 1687 г., в которой не значилось ни одного предмета клинкового оружия с ножиком и вилкой (иголкой) в ножнах, равным образом, не было и предмета, подходящего под описание «картеляша московское дело». Можно с осторожностью предположить, что картеляш московской работы был размонтирован, а его клинок числился в Переписной книге 1687 г. как «полоса булатная сулеба; на ней вытерто по обе стороны по долу с опушкою»³⁰. Основания для такого сближения следующие: описание «полосы сулебы» в Переписной книге 1687 г. завершает группу палашных полос, а картеляши в Росписи походной казны 1654 г. также следовали за палашом. Так что имеется вероятность того, что у оружия, получившего в 1654 г. редкое название *картеляш*, был установлен нетипичный для русских сабель и палашей клинок, которому в 1687 г. также не смогли присвоить привычное название и отнесли к *сулебам*. Но и этот клинок не выявлен в современном собрании музея, кроме того, мы в той же мере не знаем, какое именно оружие могло называться *сулебом* или *сулейбой*.

Источник появления в Европе оружия с названием, созвучным русскому *картелями*, – Италия. Итальянское *cortello* (*coltello*, *cortelas*) или *coltelaccio* обозначало «большой нож». В XV в. это оружие появляется и в Германии под наименованием *Kordelatsch* или *Kordalätsch*³¹. Дж. Камерон Стоун причисляет картелиши и ряд предметов оружия с другими названиями к «семейству палашей», давая всем этим типам обобщенное наименование *Cutlas*, и определяет время их активного бытования как XV–XVII вв.³² В разных европейских странах *картелями* выступал как оружие горожан, оружие для фехтования, абордажная сабля, небольшой пехотный меч³³. В Польше *kordelas* служил охотничьим оружием³⁴, а в Швеции в начале XVI в. под названием *kortelass* упоминался строевой палаш³⁵. Теоретически Россия могла заимствовать картелиши и из Польши, и из Швеции, и из Германии, и даже из Италии. Фонетически наиболее вероятно, что русское наименование было заимствовано из немецкого. В позднейшее время оружие, генетически восходящее к итальянскому *cortello*, в России могло называться тесаком или полусаблей, а также кортиком. Впрочем, эта тема – установление точных связей между русскими родственными, но не тождественными друг другу видами оружия и их названиями – *кортиком*³⁶, *картелишем* и *кордом* (*кортом*, *хортом*) – требует специального исследования, осложненного тем, что ни один образец русского оружия XVII в. с перечисленными названиями в музеях России не хранится. Согласно нашей гипотезе, один и тот же предмет клинкового оружия в России XVII – начала XVIII вв. мог иметь названия *корд*, *картелиш* и *сулеба*, а в XVIII в. тот же предмет получил бы однозначное наименование *кортик*.

Колонтарь (*калантарь*) – наиболее интересный предмет вооружения, о котором пойдет речь в нашей статье. В царской оружейной казне XVII в. хранился единственный доспех с таким названием. Судя по всему, это был парадный царский доспех высокого достоинства. Так, например, среди защитного вооружения, взятого царем Алексеем Михайловичем в Смоленский поход 1654 г., колонтарь числился вторым после зеркального доспеха: «Зерцало наводное золотом. Калантырь. Бахтерец. Бахтерец же с полами. Пансырь. Юмшан резной золоченой. Юмшан наводной. Байдана...» (1654. Л. 43). Наиболее раннее упоминание колонтаря находится в перечневой росписи царской казны

1647 г.: «Калантырь стальной, доски прорезные»³⁷. В Переписной книге Оружейной палаты 1687 г. этот же предмет входит в 48 главу – «Калантари» – первым и единственным, и его описание чуть более подробное: «Калантарь стальной доски прорезные, пряжки и наконешники и гвози (описка, нужно *гвозди*. – А. Ч.) железные золочены, застешки тесма шелк зелен червчат з золотом; а по нынешней переписи 195-го году и по осмотру тот колонтарь против прежних переписных книг шлолся, цена тысяча рублей»³⁸. Денежная оценка для этой описи колоссальная, колонтарь явно входил в десяток самых дорогих вещей Оружейной палаты.

Думается, что только этот колонтарь мог быть описан А.В. Висковатовым в 1841 г., где помещалось текстовое описание и изображение этого доспеха: «Калантарь – доспех без рукавов из двух половин, застегивавшихся или завязывавшихся на обоих плечах и на боках. Каждую половину от шеи до пояса составляли несколько рядов крупных металлических дощечек... скрепленных между собою мелкими или крупными железными кольцами... спинные доски на калантаре делались мельче и чаще, нежели грудные»³⁹. Однако в комментариях к этому описанию А.В. Висковатов написал: «Калантари редки. В Оружейной палате их нет вовсе»⁴⁰. Следовательно, этот доспех воочию не видели ни составители «Исторического описания...», ни зарисовавшие его художники. С нашей точки зрения, А.В. Висковатов описал колонтарь, опираясь на текст из описи Оружейной палаты 1808 г.: «Калантарь, состоящий из двух отдельных половин, из коих одна составлена из стальных прорезных на проем дощечек в три ряда собранных и подложенных снизу глухими железными дощечками, а другая половина состоит из таких же дощечек, но в пять рядов собранных, соединенных между собою панцирными ж, как и первая, кольцами. Вокруг всего калантаря кольчатый железный подзор. На одной половине пряжек стальных золоченых четыре. На другой пряжек таковых же две и шесть завязок из золотой с зеленым и красным тесьмы. На них по закрепке и по наконечнику стальному золоченому»⁴¹. Однако в опубликованном описании А.В. Висковатовым была опущена важная деталь: каждый вертикальный ряд металлических прорезных пластин на груди имел дополнительное усиление, был подложен «глухими», то есть непрорезными пластинами. Следо-

вательно, изображение (и описание) колонтаря, опубликованное А.В. Висковатовым (рис. 4), не отражает важнейшую деталь этого доспеха⁴². Тем не менее, в позднейшее время «колонтари» уже воспринимались как четко идентифицированный вид древнерусского кольчато-пластинчатого доспеха⁴³, несмотря на то, что единственный колонтарь из Оружейной палаты был утрачен в период 1808–1835 гг., а в музейных собраниях России нет ни одного предмета с таким названием. Впрочем, Л.И. Тарасюк в 1966 г. опубликовал кольчато-пластинчатый доспех из собрания Эрмитажа под двойным наименованием колонтарь-бахтерец («kolontar'-bakhterets») ⁴⁴, но без каких-либо аргументов, оправдывающих использование этого термина.

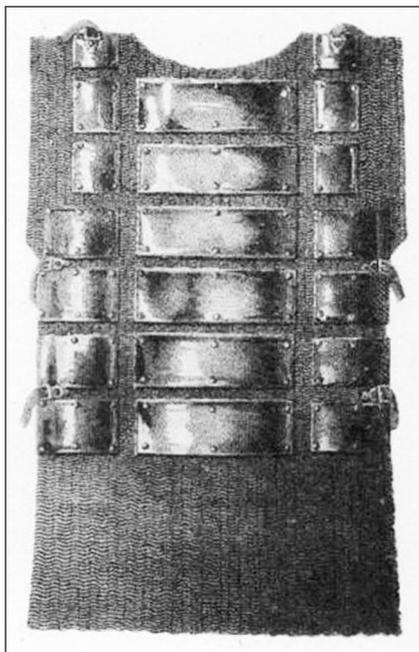

Рис. 4. «Колонтарь». Изображение из «Исторического описания...» А.В. Висковатова

Таким образом, на сегодняшний день у нас нет ни хранящихся в музеях образцов колонтарей⁴⁵, ни точных описаний этого доспеха (за исключением, разве, Описи 1808 г.)⁴⁶. Этот факт существенно влияет на один из выводов обстоятельного исследования русского доспеха, проведенного в недавнее время О.В. Шиндлером⁴⁷. Этот исследователь утверждал, что единственный доспех, который можно обоснованно назвать колонтарем, хранится в настоящий момент в Государственном Историческом музее⁴⁸. К сожалению, наименование *колонтарь* (*калантарь*) в работе О.В. Шиндлера увязано с конструкцией доспеха, которая не соответствует описанию исторического колонтаря, хранившегося в Оружейной палате.

С нашей точки зрения, колонтарь можно сблизить как с бахтерцами и юшманами, так и с зеркальными доспехами. С первыми колонтарь роднят вертикальные ряды металлических пластин, положенных внахлест, с зеркалами – конструкция из двух половин, застегивающихся ремешками на плечах и боках (отметим, что в документах отмечены и кольчато-пластинчатые зеркальные доспехи⁴⁹). Таким образом, *колонтарь* из Оружейной палаты представляет собой трудноопределимую вариацию кольчато-пластинчатого доспеха, и у нас нет оснований для выделения особого типа русского защитного вооружения под таким названием⁵⁰. Термин «колонтарное плетение» применительно к кольчато-пластинчатому доспеху⁵¹ также представляется нам неудачным, так как, судя по описанию, металлические пластины колонтаря располагались плотными вертикальными рядами, соединенными между собой панцирной сеткой, подобно бахтерцам и юшманам.

Этимология слова колонтарь могла бы быть прояснена при сравнении с предметами конской сбруи, носившими то же название. Так, в Описи Оружейной палаты 1808 г. были зафиксировано несколько калантарей, а их название было расшифровано при описании первой пары из них: «Калантарей два (то же, что узды)»⁵². В современном собрании музея эти предметы атрибутированы как турецкие оголови XVII в.⁵³, по сути, это упряжные узды, не выделяющиеся в конструктивном и декоративном отношении из числа прочих аналогичных предметов⁵⁴. Это также тема для отдельного исследования.

В заключение упомянем еще два «утраченных» предмета защитного вооружения, которые значились в описи Оружейной палаты 1808 г. В главе этой описи под названием «Маски» было описано всего пять предметов: «№ 5396–5398. Масок железных три, из коих две с легкою порезкою, а третья без оной. Все вообще много поржавели. № 5399, 5400. Две маски с накладками по лбу одна железною, другая медною в виде полумесяца»⁵⁵. Первые три маски, хорошо известные оружиеведам, к 1884 г. были смонтированы заклепками на восточных шлемах⁵⁶. Две последних маски в позднейших описях Оружейной палаты не встречаются. Следовательно, у нас есть основания полагать, во-первых, что эти две маски покинули музей, во-вторых, что они были аналогичны трем сохранившимся. То есть мы вправе предположить,

что в начале XIX в. в музее хранилось не три легендарные восточные маски, а пять.

Однако вопрос о шлемах с масками куда более сложен, чем может показаться из вышеприведенного абзаца. Неизвестно, когда именно три сохранившиеся маски появились в Оружейной палате и каким образом они были размонтированы и снова смонтированы на шлемах. В 1835 г. три маски еще хранились отдельно⁵⁷, а не позднее 1844 г. одна маска уже была соединена со шлемом и опубликована в труде А.Ф. Вельмана «Московская Оружейная палата» (рис. 5), но было отмечено и наличие четырех отдельных масок⁵⁸. Четыре отдельные «железные маски» были зафиксированы и в переиздании этой книги 1860 г.⁵⁹ Два

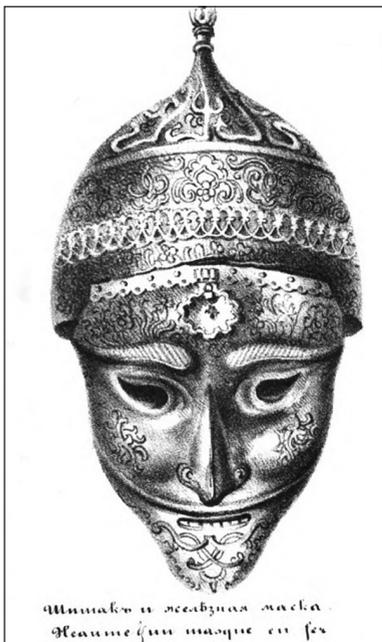

Рис. 5. «Шишак и железная маска». Изображение из книги А.Ф. Вельмана «Московская Оружейная Палата», 1844 г.

шлема с масками из экспозиции Оружейной палаты (рис. 6), скорее всего, имеют исходную комплектность – для каждого предмета стиль и манера гравировки на маске и на шлеме аналогичны⁶⁰. Тем не менее, вопрос о первоначальной комплектности шлемов с масками требует серьезных доказательств, так как мы даже приблизительно не знаем, в каком виде и в каком количестве они поступили в Оружейную палату. Идентификация шлемов с масками в описях Оружейной палаты XVIII в. и ранее – ошибочна. Так, для одного шлема приведены ссылки на его местоположение в описях вплоть до 1687 г.⁶¹, для двух других шлемов с масками таких ссылок нет, хотя логично было бы предположить, что все три аналогичных предмета должны инвентаризоваться в одном месте. Приведенная ссылка на Переписную книгу 1687 г. наверняка неверна. Боевое наго-

ловье, которое Опись 1885 г. сопоставляет с одним из шлемов с маской, – «шапка железная с личиною, а шапка и личина золочена. Попорчена. Цена восемь рублей»⁶² – в 1687 г. описано в главе «Латы», посвященной доспехам (и шлемам) западноевропейского типа. Под личиною здесь подразумевалось, скорее всего, забрало шлема типа армета или бургиньота. Для сравнения можно привести текст из той же главы: «Шапка железная латная с личиною (выделено мною. – А. Ч.) да наплечье; а та шапка и личина и наплечье золочены...»⁶³. Наконец поиск шлемов и масок (в собранном или разобранным состоянии) в документах Оружейной палаты ранее 1808 г. может оказаться и вовсе бесперспективным. Перед описанием трех восточных масок в Описи 1808 г.

Рис. 6. Шлемы с масками. Иран (?), XVI в. (?). Экспозиция Оружейной палаты

проставлены буквы «Н.Н.», означающие «Новонайденные при сей описи».

Наконец, ключевое возражение по поводу высказанной нами гипотезы. Написав выше, что у нас есть основания считать две утраченные маски аналогичными трем известным нам восточным «личинам», мы не должны утверждать, что это обязательно так. Тот факт, что некоторые предметы в ранних документах носят одинаковое название, вовсе не означает их типологической близости в современных представлениях. Не исключено, что две маски из Описи 1808 г. на самом деле являлись размонтированными забралами от европейских шлемов или иными предметами, которые составители описи назвали масками, руководствуясь неизвестными

названия, вовсе не означает их типологической близости в современных представлениях. Не исключено, что две маски из Описи 1808 г. на самом деле являлись размонтированными забралами от европейских шлемов или иными предметами, которые составители описи назвали масками, руководствуясь неизвестными

нам критериями. Поэтому совершенно неясно, как эти предметы выглядели и сохранились ли эти предметы в современном собрании или нет⁶⁴.

В заключение нашей работы еще раз подчеркнем первостепенное значение собрания Оружейной палаты для отечественного оружиеведения. Даже памятники, утраченные музеем физически, могут «заговорить» благодаря сохранившимся документам (и изображениям), предоставить информацию первостепенной важности, а также предостеречь современных исследователей от необоснованных суждений.

Отметим также парадоксальный вывод нашей работы, имеющей подзаголовок «утраты мнимые и действительные». Наряду с памятниками, утраченными музеем навсегда и, напротив, считавшимися потерянными, но счастливо найденными в современном собрании музея, в описях Оружейной палаты XVII – начала XIX вв. значатся предметы, которые мы не можем отнести ни к первой, ни ко второй категории и даже не можем определенно указать их типологическую принадлежность.

Здесь будет уместно еще раз заострить внимание на том, что такие насущные проблемы, как типология, классификация и историческая терминология русского средневекового вооружения могут быть разрешены только при обращении к кремлевскому собранию и документам Оружейной палаты.

¹ Переписная книга Оружейной и всякой царской казне и красок, что в Оружейной палате, в Большой казне, и в прочих палатах... 1687 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 936. Л. 431–431 об. (Далее – Переписная книга 1687 г.)

² Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4. Огнестрельное оружие. М., 1886. № 6773. С. 140.

³ Чубинский А.Н. Тюфяки как ручное огнестрельное оружие. Анализ собрания и описей Оружейной палаты // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции. 16–18 мая 2012 года. Ч. III. СПб., 2012. С. 390–409.

⁴ В экспозиции музея и предшествующих публикациях это оружие, разумеется, носит наименование пистолетов. См., например, Государева Оружейная палата. СПб., 2002. Кат. 72. С. 367.

⁵ Переписная книга 1687 г. Л. 514.

⁶ Инв. № Ор-122, Ор-4706. См.: Опись Московской Оружейной Палаты. Ч. 3. Кн. 2: Броня. М., 1884. № 4469, 4476. Первая из кольчуг выставлена в экспозиции музея.

⁷ Гордеев Н.В. Русский оборонительный доспех // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 74, 79. Рис. 7.

- ⁸ Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению М., 1853. Отделение III. С. X; Переписная книга 1687 г. Л. 514 об., 515. № 2, 3.
- ⁹ Роспись государевой оружейной казны 1647. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 4. Д. 3593. Л. 15.
- ¹⁰ Поветкин В.И. Слово о музыкальной археологии России // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород, 28–30 января 1997 г. Вып. 11. Новгород, 1997. С. 64–76. Исследователь именовал описанные им костяные наконечники свистами.
- ¹¹ Савваитов П. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896. С. 132.
- ¹² Ленц Э. Опись собрания оружия графа С.Д. Шереметева. СПб., 1895. С. 100–102.
- ¹³ Медведев А.Ф. Археология СССР. Свод археологических источников. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. Выпуск Е1-36. М., 1966. С. 62, 72, 73, 75, 78, 97; Двуреченский О.В. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М., 2007. Вып. 3. С. 277–331. С. 288–289, 297, 301.
- ¹⁴ Переписная книга 1687 г. Л. 184–184 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 184 об.
- ¹⁶ Опись имуществу князя Василия и сына его Алексея Голицыных, принятому в Оружейную палату в 1689–1690 гг. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 938. Л. 45.
- ¹⁷ Переписная книга 1687 г. Л. 181.
- ¹⁸ Там же. Л. 17.
- ¹⁹ Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-65, 66, 67, 68.
- ²⁰ Опись вещам Мастерской и Оружейной палаты, по высочайшему повелению составленная в 1808 году. Часть четвертая. Книга вторая. РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4009. № 4768. (Далее – Опись Оружейной палаты 1808 г.)
- ²¹ Богатская И.А. «Российские древности» в произведениях графики первой половины XIX века. Т. 1. М., 2014. С. 363. № 431. Автор выражает искреннюю благодарность хранителю рисунка И.А. Богатской за знакомство с изображением.
- ²² Библия. Пс. 117: 15–16; Прит. 3, 16.
- ²³ Опись имуществу князя Василия и сына его Алексея Голицыных, принятому в Оружейную палату в 1689–1690 гг. Л. 1–90. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 938. Л. 38 об.
- ²⁴ Автор планирует вернуться к этому бердышу-ружью в отдельной статье, посвященной русскому комбинированному оружию.
- ²⁵ Опись Оружейной палаты 1808 г. № 6463
- ²⁶ Переписная книга 1687 г. Л. 136 об.–137.
- ²⁷ О выдаче оружия из Оружейной палаты 1647 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3590. Л. 15 об.
- ²⁸ О «говорящем» оружии см. Чубинский А.Н. Сабельные клинки и древковое оружие «с жемчужинами» в собрании Музеев Московского Кремля // Сборник материалов III Международной научно-практической конференции «Мир оружия: история, герои, коллекции» 22–23 октября 2015 г. Тула, 2016. (В печати).
- ²⁹ Роспись походной казны царя Алексея Михайловича, что была в Смоленске в 1654 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5692. Л. 42.
- ³⁰ Переписная книга 1687 г. Л. 90 об.

- ³¹ Бехайм В. Энциклопедия оружия. Руководство по оружиеведению. Оружейное дело в его историческом развитии от начала средних веков до конца XVIII в. СПб., 1995. С. 203–204.
- ³² Stone G.C. A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor: in All Countries and in All Times. 1999. P. 198.
- ³³ Бехайм В. Энциклопедия оружия.
- ³⁴ Żygulski Z., Gradowski M. Słownik uzbrojenia historycznego. Warszawa, 1998. S. 26. По мнению польских оружейников, это оружие появилось в Польше в XVIII в.
- ³⁵ Göransson G. Gustav II Adolph och hans folk. 1994. P. 68, 125.
- ³⁶ Филологи выводят русское название кортика напрямую из итальянского *cortello*. См. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 2003. С. 339.
- ³⁷ Роспись государевой оружейной казны 1647 г. РГАДА. Ф. 396 Оп. 1. Д. 3593. Л. 25.
- ³⁸ Переписная книга 1687 г. Л. 508 об.
- ³⁹ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению. В 34-х т. СПб., 1900. С. 45–46. Табл. 31. Интересно, что в подписи под изображением доспех назван «колонтарь», а не «калантарь», как в тексте.
- ⁴⁰ Там же. С. LXVI.
- ⁴¹ Опись Оружейной палаты 1808 г. № 4985.
- ⁴² Заметим, что рисунок бахтереца, приведенный на одной странице с колонтарем, также выглядит довольно фантазийным.
- ⁴³ Вельтман А.Ф. Московская Оружейная палата. М., 1844. С. 19; Савваитов П. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей архива Московской Оружейной палаты с объяснительным указателем. СПб., 1895. С. 60; Арсеньев Ю.В., Трутовский В. К. Оружейная палата. Путеводитель. М., 1911. С. 132.
- ⁴⁴ Инв. № З.О. 7612. См.: Tarassuk L. The Collection of Arms and Armour in the State Hermitage, Leningrad // Journal of the Arms and Armour Society. Vol. 5, Nos. 4–5. L. March, 1966. P. 207. Pl. XXVI.
- ⁴⁵ Как справедливо было отмечено в классическом определителе 1953 г. См.: Денисова М.М., Портнов М.Е., Денисов Е.Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX веков. М., 1953. С. 63.
- ⁴⁶ Заметим, что даже утверждение о том, что «колонтарь» из Оружейной палаты и упоминавшиеся в русских средневековых литературных памятниках «калантары злачены» принадлежат к одному типу доспеха, будет бездоказательным.
- ⁴⁷ Шиндлер О.В. Классификация русских корпусных доспехов XVI века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т. V. С. 417–486. <http://www.milhist.info/2014/08/18/schindler> (время обращения 25.01.2016)
- ⁴⁸ Шиндлер О.В. Указ. соч. С. 452–453. Этот же доспех был опубликован в 1953 г. с не вполне корректным названием «бахтерец». См.: Денисова М.М., Портнов М.Е., Денисов Е.Н. Русское оружие... Табл. XII. № 95.
- ⁴⁹ См.: Государева Оружейная палата. СПб., 2002. № 35. В отношении этого доспеха исследователь И.А. Комаров необоснованно полагал, что кольчужная ткань на нем поздняя.

- ⁵⁰ Присвоение названия калантарь одному из типов монгольского доспеха также нельзя считать корректным. См.: Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб., 2008. С. 391, 396.
- ⁵¹ Шиндлер О.В. Указ. соч. С. 452.
- ⁵² Описание Оружейной палаты 1808 г. № 3689–3692.
- ⁵³ В описях XIX – первой половины XX вв. эти предметы носили название колонтарей (калантарей). См.: Описание Московской Оружейной палаты. Ч. VI. Кн. V. Конюшенная казна. Ловчий снаряд. М., 1884. № 8005–8009.
- ⁵⁴ Автор приносит искреннюю благодарность хранителю коллекции конюшенной казны Музеев Кремля Е.В. Когут за указание этой аналогии и консультацию.
- ⁵⁵ Описание Оружейной палаты 1808. Л. 239. № 5396–5400.
- ⁵⁶ См. Описание Московской Оружейной Палаты. Ч. 3. Кн. 2. Броня. М., 1884. № 4404–4406.
- ⁵⁷ См. Описание Оружейной палаты 1835 г. № 5664.
- ⁵⁸ Московская Оружейная палата. Печатано по высочайшему повелению. М., 1844. Вклейка между с. 78 и 79. С. 99.
- ⁵⁹ Вельтман А.Ф. Московская Оружейная палата. М., 1860. С. 256.
- ⁶⁰ Третий шлем с маской без гравированного орнамента был в 1873 г. передан в Артиллерийский музей. См. Описание Московской Оружейной Палаты. Ч. 3. Кн. 2. Броня. М., 1884. № 4406.
- ⁶¹ Описание Московской Оружейной Палаты. Ч. 3. Кн. 2. Броня. М., 1884. № 4404.
- ⁶² Переписная книга 1687. Л. 482 об. № 23. В издании 1884 г. в ссылке указаны неверные номер листа описи и номер главы Переписной книги 1687 г.
- ⁶³ Там же. Л. 485 об. № 33.
- ⁶⁴ Возможно, одна из «масок» до 1954 г. была смонтирована на русском шеломе (см. рис. 1).